

УДК 343.81 (571.17)
DOI: 10.17223/19988613/70/6

Ю.В. Рябова

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ СПЕЦКОНТИНГЕНТА В «ЮЖНОКУЗБАССКОМ ИТЛ МВД СССР» (1947–1950 гг.)

Рассмотрены условия содержания спецконтингента в «Южнокузбасском исправительно-трудовом лагере МВД СССР», располагавшемся на юге Кемеровской области. Основываясь на документальных источниках и воспоминаниях бывших осужденных, показаны бытовые и санитарные условия размещения и содержания заключенных, особенности продовольственного и вещевого снабжения. Сделан вывод, что созданная неудовлетворительная жилищно-бытовая обстановка в ИТЛ как способствовала ухудшению физического состояния заключенных, так и негативно сказывалась на эффективности производственной деятельности.

Ключевые слова: принудительный труд; ГУЛАГ; заключенные; бытовые условия; «Южнокузбасский ИТЛ МВД СССР».

На протяжении длительного времени основой для изучения жизни и быта заключенных сталинских лагерей служили только мемуарные источники: воспоминания, письма, рассказы. Первые печатные воспоминания бывших узников появились на западе еще в 30–50 гг. XX в. Автобиографические очерки Г. Андреева «Соловецкие острова 1927–1929 гг.», И. Солоневича «Россия в концлагере», М. Никонова-Смородина «Красная каторга. Записки соловчанина», Ю. Трегубова «Восемь лет во власти Лубянки. Записки членов НТС» впервые рассказали о реалиях лагерной жизни. Всемирно известное произведение А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», вышедшее в 70-е гг. прошлого века и основанное на свидетельствах десятков очевидцев и личном опыте автора, открыло обществу правду о репрессивной политике советского государства.

В нашей стране мемуары бывших невольников сталинских лагерей стали публиковаться только в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда начавшиеся политические реформы позволили проводить активную исследовательскую и просветительскую работу. Обнародованные в сборниках воспоминаний и периодических изданиях факты и свидетельства очевидцев широко повествуют о судьбах узников ГУЛАГа, условиях содержания, труда и быта заключенных. Создание экспозиций и фондов в государственных музеях, открытие мемориальных комплексов на местах размещения исправительно-трудовых лагерей способствовали накоплению и сохранению мемуарного материала.

Однако воссоздание повседневной жизни лагерного населения в сталинскую эпоху невозможно без привлечения официальных документов, хранящихся в государственных и ведомственных архивах Российской Федерации. Эти материалы являются важнейшими источниками, характеризующими механизм деятельности карательной системы изнутри. На сегодняшний день вышли в свет многочисленные сборники документов о советской лагерной системе [1–5], но часть материалов все еще не введена в научный оборот и недоступна широким массам. Актуальным представляется изучение регионального материала, который

предполагает выявление общих и частных тенденций формирования и развития советской репрессивной политики.

В сибирском регионе, в частности в Кемеровской области, где принудительный труд широко использовался с 30-х гг. прошлого века, сформированная лагерная сеть отличалась высокой концентрацией учреждений исправительного типа и разнообразием категорий содержащегося в них спецконтингента (спецпереселенцы, трудопоселенцы, тылоополченцы, заключенные). В разные годы лагерная система Кузбасса включала в себя такие крупные учреждения, как «Сиблаг», «Горшорлаг», «Кузбассжилстрой», «Кемеровожилстрой», «Аралчевстрой», Томусинский ИТЛ, «Камышлаг», «Севкузбасслаг» и «Южкузбасслаг» [1]. Труд невольников применялся в различных производственных сферах области: угольной, строительной, сельскохозяйственной, лесозаготовительной.

Исследование жизненно важных сторон существования подневольного населения на примере одного из крупнейших лагерей Кемеровской области – «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР» («Южкузбасслага») – позволяет сформировать представление об условиях жизни, труда и быта осужденных. Вопросы функционирования «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР» не нашли достаточного отражения в трудах современных исследователей. Кузбасские историки Л.И. Гвоздкова [2] и Р.С. Бикметов [3] в своих научных работах только касались общих вопросов существования лагеря, обзорно обращаясь к проблемам кадровых и производственных вопросов, что и определяет новизну исследования. Основой данной публикации послужили неопубликованные архивные документы ведомственного архива ГУФСИН по Кемеровской области и неизданные воспоминания бывших спецпереселенцев и заключенных «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР» из фондов Музея-заповедника «Трёхречье» Таштагольского муниципального района. Указанные источники содержат весьма ограниченные сведения по рассматриваемой проблеме. Доступные

автору архивные документы преимущественно представлены бухгалтерско-финансовой, делопроизводственной и отчетной документацией, где сведения о жилищно-бытовых условиях спецконтингента отражены фрагментарно. Мемуарные источники концентрируют в себе больше автобиографические сведения, в ряде случаев опуская подробности жилищно-бытовых условий и предлагая лишь однозначную оценку происходящего. Но содержащиеся в этих группах документов конкретные факты позволяют не только рассмотреть частные случаи, но и, сопоставив информацию из нескольких источников, сделать общие выводы.

Справочно отметим, что деятельность лесозаготовительного «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР» началась с 1 апреля 1947 г. Постановление № 409 Совета Министров СССР от 1 марта 1947 г. и Приказ МВД СССР № 00241 от 4 марта 1947 г. определили порядок реорганизации и создания на базе существующих лесозаготовительных организаций и лесоперерабатывающих предприятий Кемеровской области исправительно-трудовых лагерей [4. С. 314–316]. В распоряжение лагерей передавались все производственные мощности лесозаготовительных трестов: техника, оборудование, транспорт, рабочие кадры [Там же. С. 316–319]. В результате трест «Южкузбасслес» преобразовался в «Южнокузбасский исправительно-трудовой лагерь МВД СССР». Новый ИТЛ получил в свое распоряжение лесные массивы на юге Кемеровской области, в Горной Шории, по верховьям р. Томи и ее притоков: Кондомы, Мрассу и Усе. Лесозаготовительные подразделения лагеря разместились на территории трех административных районов Кемеровской области – Кузнецкого, Мысковского и Таштагольского. Управление лагерем находилось в г. Сталинске (ныне г. Новокузнецк).

Целью такой реорганизации явилось бесперебойное обеспечение крепёжным лесом действующих и строящихся угледобывающих предприятий Кузбасса в период послевоенного восстановления экономики региона. Существующие на тот момент в Кемеровской области лесозаготовительные тресты «Севкузбасслес» и «Южкузбасслес» не справлялись с поставками леса на шахты области. Причина – острый дефицит рабочих кадров. Тяжелый труд, удаленность от цивилизации (лесозаготовка производилась глубоко в тайге Горной Шории), отсутствие благоустроенной инфраструктуры, детских и школьных учреждений, мест торговли и общественного питания приводили к текучести вольнонаемных рабочих. Для решения кадрового вопроса и стабильного обеспечения региона лесоматериалом правительство сделало ставку на использование труда заключенных в лесозаготовительной отрасли страны. К тому же использование принудительного труда не требовало создания особо благоприятных условий для жизни и работы, исключало возможность самовольного увольнения рабочих, не предполагало эквивалентную трудовым затратам оплату труда, гарантировало выполнение производственных задач.

Руководству созданного исправительно-трудового лагеря предстояло в кратчайшие сроки решить как производственные задачи, так и жилищно-бытовые

вопросы. Первоочередная задача – обеспечение жильем поступающего контингента. Форсирование поселкового строительства обуславливалось необходимостью скорейшего размещения и включения в производственный процесс прибывающих осужденных. Заместитель начальника Управления лагеря Телейков, понимая значимость организации жилищно-бытовых условий для спецконтингента, указывал, «что от состояния быта, от условий, в которых будет находиться контингент заключенных, и от состояния лагерного сектора зависит выполнение производственного задания» [5. С. 188]. Кроме того, продолжал он: «Не надо забывать, что лагерные подразделения находятся в районе Горной Шории, где выпадает большой снег и бывают большие морозы, если не будет заботы о контингенте, могут быть нежелательные последствия» [Там же].

Леспромхозы бывшего треста «Южкузбасслес» в кратчайшие сроки преобразовывались в отдельные лагерные пункты (ОЛПы). В 1947 г. их насчитывалось уже 11. Но для размещения ожидаемых 15 тыс. заключенных требовалось возведение дополнительного жилого комплекса из 23 лагерных поселков. Начиная с 2-го квартала 1947 г., во всех ОЛПах «Южкузбасслага» началось возведение лагерных построек, но из-за дефицита строительных материалов оно осуществлялось с большим напряжением [6. Л. 129]. Также ощущался и недостаток рабочей силы. Заключенные использовались на лесопилении и сплаве, а также на возведении землянок и летних бараков, необходимых для приема и временного размещения прибывающего спецконтингента [Там же], в результате чего в ИТЛ наблюдалась острая нехватка жилья для осужденных. При установленной норме 2 м² на человека в «Южкузбасслаге» в среднем приходилось от 1,12 до 1,4 м² жилой площади, а в некоторых отдельных лагерных пунктах и того меньше: в Кумзаском – 0,84 м²; в Чебалсинском – 0,93 м²; в Тутуясском – 0,87 м²; в Мундыбашском – 0,97 м² [7. Л. 5]. По плану капитального строительства в 1948 г. планировалось возвести 10 бараков, а фактически сдали в эксплуатацию только один [Там же. Л. 96].

Заместитель начальника отдела капитального строительства «Южкузбасслага» Жаравин, объясняя причины неудовлетворительного и несвоевременного ввода жилых объектов в эксплуатацию, указывал на недостаточное количество рабочей силы, «гигантские» объемы строительства всех видов (дорожное, жилое), слабую механизацию строительных работ, а также недостаток квалифицированных кадров по обслуживанию механизмов. Особо Жаравин подчеркнул вопросы недоделок: «...у больших и маленьких руководителей создалось мнение, что если людей завели под крышу, значит, строительство объектов считать законченным», – и указал на необходимость обязательной ликвидации существующих недоделок по жилищным объектам [5. С. 181–182].

Но даже имеющееся жилье для спецконтингента не соответствовало необходимым требованиям. Из-за отсутствия кирпича для кладки печей и стекла бараки не были своевременно утеплены и застеклены. Железные печи для обогрева бараков изготовлялись с большой задержкой и из-за осенней распутицы и бездорожья доставлялись в лагерные пункты самолетами с первы-

ми заморозками [8. Л. 7]. На совещании партийно-хозяйственного актива 27 ноября 1947 г. заместитель начальника Управления лагеря Телейков отмечал, что «...остались не достроены кухни, столовые, бани, дезокамеры, бараки и даже крайне необходимые сушилки для одежды... Не имея достаточного количества матрацев, маты из соломы изготавливаются не везде. Невыполнение своевременно приказа в части заготовки двухмесячного запаса дров в некоторых лагерных пунктах (Тоз, Конферма, Ольджерас, Чебалсу и др.), в данное время топят сырыми дровами, которых иногда бывает недостаточно, в бараках бывает холодно, иногда из-за отсутствия дров несвоевременно готовится пища и не готовится кипяток» [5. С. 188]. Кроме того, осужденные проживали в бараках в антисанитарных условиях. Имелась завшивленность заключенных, в помещениях грязь и клопы [Там же. С. 180].

В воспоминаниях бывших осужденных, отбывавших наказание в «Южкузбасслаге», можно встретить описания условий проживания. Федор Иванович Геберлейн (1929 г.р.) рассказывает: «Жили в бараке. Он состоял из двух секций, снаружи была пристроена кухня. У каждого был котелок, им служила какая-нибудь жестяная банка... Кроватей не было. Мы спали на нарах, так мы их называли. Они были невысокими, сложенными из досок. Спали по 2 человека на каждой кровати. Нары располагались вдоль двух стен. Посреди комнаты стояла печь, бывшая шахтерская вагонетка. Топил печку дневальный... Раз в десять дней была баня. Это строго соблюдалось» [9].

Недостаток рабочих кадров способствовал закреплению за лагерем и спецпереселенцев. «На основании директивного указания начальника УМВД по Кемеровской области за № 12/1–6382 от 18.10.1947 г. в административное и хозяйственное подчинение “Южкузбасслагу” передавались все спецпереселенцы, работавшие на предприятиях “Южкузбасслеса”. Для их учета были созданы Чугунашская, Абагурская, Мундыбашская и Мысковская спецкомендатуры с общим подчинением отделу кадров лагеря. Вскоре спецкомендатуры были организованы при каждом лагерном отделении» [10. С. 249]. Жилищно-бытовые условия спецпереселенцев также не отличались особым удобством. Бывшие спецпереселенцы Ирма Кустововна Гебгардт (1936 г.р.) и Эмма Федоровна Карпенко (1923 г.р.) описывают условия жизни в «Южкузбасслаге» следующим образом. И.К. Гебгардт: «В 1947 г. меня вместе с другими молодыми людьми высадили на станции Кондома и на телегах отвезли в Шалым. Поселка не было. Был лагерь заключенных и вольнонаемных. Жить было негде. Нам выдали палатки, в которых и жили, пока строились дома. Прожила в палатке с 1947 до 1950 г. ... Жилось очень трудно. Особенно когда только прибыли. Своего ничего не было». Э.Ф. Карпенко: «Приехала в Шалым в сентябре 1947 г. Палаток было очень много. Они стояли рядами и были пронумерованы. Проживала в палатке № 14, а Ирма Кустововна Гебгардт проживала в палатке № 25. Был один тазик на все палатки» [9].

В первые годы содержания спецконтингента в лесозаготовительном «Южнокузбасском исправительно-

трудовом лагере МВД СССР» проблемы не ограничивались только жилищными вопросами. Питание осужденных также находилось на неудовлетворительном уровне. Отсутствие стационарных кухонь в лагере снижало качество приготовленных блюд. Пища для заключенных готовилась под открытым небом. Недостаток круп, картофеля и овощей привел к преобладанию мучных блюд в рационе заключенных. «Со снабжением неблагополучно, – докладывал на совещании партийно-хозяйственного актива начальник Чугунашского ОЛПа Томилов, – ...за 7 месяцев получили всего 7 тонн крупы, и крупу в силу этого приходится заменять мукой, которая калорийность содержит гораздо ниже. Мясо получаем нерегулярно... Мукой обеспечены» [5. С. 175]. Согласно акту ревизии по «Южкузбасслагу», заключенным исправительно-трудового лагеря в 1948 г. недодали 4 т сахара, 3,8 т мыла, 86 т овощей (овощи заменили крупой). Производственные дополнительные пайки в объеме 20,5 т хлеба не были использованы по причине невыполнения заключенными норм выработки [7. Л. 10].

Кроме того, в некоторых ОЛПах (Кумзасский, Ольджерасский) кухни и столовые находились в запущенном состоянии – не достроены и не дооборудованы. В этих же ОЛПах не организовано снабжение заключенных кипяченой водой. В лагерных пунктах Кумзасский, Богущасский, Безливетовский, Верх-Чеболса из-за плохого подбора поваров и частой их смены пища готовилась невкусная. В некоторых отдельных лагерных пунктах (Ольджерасский, Кумзасский, Чеболсинский) отмечался недостаток посуды, особенно для приготовления на плите, поварских халатов, курток, колпаков, полотенец [Там же. Л. 5].

В силу того, что отдельные лагерные пункты и лесозаготовительные участки находились далеко в тайге и на значительном расстоянии от основных баз снабжения, доставка продуктов питания обходилась крайне дорого и не всегда была возможна. В зимнее время овощи часто доставлялись в замороженном виде и были непригодными для употребления в пищу. «На питание привозили все замороженное: капусту, картошку, морковь. В столовой тоже все готовили из замороженных овощей», – вспоминает бывшая спецпереселенка «Южкузбалага» И.К. Гебгардт [9].

Бывшие осужденные «Южкузбасслага» в своих воспоминаниях неоднократно упоминают о скудном питании. Михаил Николаевич Дречевич (1930 г.р.), осужденный в 1947 году на 10 лет за контрреволюционную деятельность с полной конфискацией имущества и отбывавший свой срок в Кабырзе, вспоминает: «...Все время голодал. Еды не хватало. Однажды предложили подработку с большим пайком. Согласился, но на что шел, не знал. Нужно было заниматься проверкой трупов перед захоронением, ходить и протыкать длинными спицами. А вдруг кто еще живой? Когда узнал о своих функциях и увидел, что нужно было делать, потерял сознание и еще некоторое время находился без сознания» [9].

Спецпереселенец Федор Иванович Геберлейн, работавший на лесоповале, рассказывает: «...Тяжело было с питанием, но свои 800 г хлеба я получал. Кро-

ме хлеба были только капуста и картошка, зимой постоянно мерзлая. Больше ничего на кухне не было... Питались в столовой по карточкам. Карточки выдавались на 30 дней... Хлеб был хороший. Выдавали еще табак тем, кто курил. Табак выдавали стограммовыми пачками, иногда давали по 2 пачки. К пачке табака выдавали коробок спичек» [9].

Для ликвидации перебоев с продовольствием в «Юж-кузбасслага» руководство организовало работу по самообеспечению продуктами питания. «В наших условиях ждать овощей из Управления и не следует, но для этого на будущий сезон нужно решить вопрос о земле, об удобрениях, помимо этого, нам нужно иметь сельскохозяйственного скота. Тогда мы будем иметь и овощи, и необходимое количество сена», – говорил Таций, начальник Кумзасского ОЛПа в 1947 г. [5. С. 178]. Но развитие растениеводства и животноводства в суровых природно-климатических условиях Горной Шории сопровождалось рядом трудностей. Отсутствие пригодных площадей для организации пахотных земель вынуждало лагерь организовывать сельскохозяйственные участки на крутых склонах гор либо в низинах и использовать их из года в год независимо от степени истощения. Возможность получения хороших урожаев имела только в бывшей конеферме «Кузбасс» и Абагурском КОЛПе. В остальных подразделениях исправительно-трудового лагеря посев овощей и посадка картофеля являлись очень трудоемкими и малорентабельными. Несмотря на это, в лагере выращивали овощи (картофель, капусту, морковь, свеклу, огурцы, лук), кормовые корнеплоды, фуражные и крупяные зерновые, разводили домашних животных: коров, лошадей, свиней, овец [6. Л. 161–162].

Критически обостряло бытовую и, как следствие, производственную ситуацию в ИТЛ недостаточное вещевое снабжение. Прибывающий контингент был раздет и разут, а запасов вещевого довольствия у «Юж-кузбасслага» не было. «Не хватает спецодежды, валенок получили всего 590 пар, рукавиц 700 пар, белья не хватает по одной паре на каждого рабочего», – констатировал начальник Чугунашского ОЛПа Томилов [5. С. 175]. Кроме того, руководство лагеря отмечало поступление кожаной обуви плохого качества и «использование вещьдовольствия утильного в носке» [11. Л. 224].

Недостаток одежды подтверждают и очевидцы. Анна Ивановна Синицина (Богер): «...По прибытии меня, отца и мачеху сразу же поставили на работу на лесоповал. За зиму все поизносилось, а у нас ни иголки. Тряпок на портянки нет. Валенки износились до такой степени, что подошвы совсем нет. Ходи, как хочешь. Мы к голенищу пришивали грубую ткань, из дощечек делали подобие следа, вставляли туда и ходили работали». Федор Иванович Геберлейн: «...Насчет спецодежды, то на зимнее время давали валенки, ватные штаны и фуфайку, шапку и рукавицы. На лето выдавались галоши, мы их называли чуни, брезентовый костюм и верхонки. А в летнее время, особенно в мае, когда идет сокодвижение, когда рубишь кедр, вся одежда пропитывается смолой. К концу месяца костюм становится словно железным,

пропитавшись смолой, он почти не гнется. Ноги постоянно намокали, местность была болотистая, а чуни были не высокие» [9].

Руководство «Южкузбасслага» в отчетной документации указывало на перерасход по содержанию контингента заключенных. Например, в 1948 г. расход по вещевому обслуживанию первоначально был утвержден в размере 2 руб. 30 коп. на 1 человекодень. Но при пересмотре плана произошло снижение планируемого расхода на 37 коп., и он составил уже 1 руб. 93 коп. на 1 человекодень. Фактически же из-за большого износа вещевого довольствия произошел перерасход на 44 коп., и в конечном итоге расход составил уже 2 руб. 37 коп. В результате перерасход по всему вещевому довольствию за 1948 г. составил 2 672 руб. [8. Л. 33–34].

Медицинское обслуживание спецконтингента в ИТЛ также находилось на низком уровне. Выделенные под медицинские учреждения помещения не имели достаточного оснащения. Наблюдался недостаток постельного и нательного белья, халатов, медикаментов, перевязочного материала. Вместо кроватей в лечебных учреждениях «Южкузбасслага» часто размещались сплошные нары. В ночное время в ряде санчастей отсутствовало освещение (Тутуянский ОЛП, Чугунашский ОЛП, лагпункт «Конферма») [12. Л. 5]. Согласно оценке администрации ИТЛ, большинство лечащих врачей не имели дифференцированного подхода к тяжелобольным как в плане их питания, так и организации тщательного ухода [Там же. Л. 6]. Кроме того, часть медицинского персонала принадлежала к категории заключенных, что в отдельных случаях влекло за собой «поблажки» спецконтингенту в виде необоснованного освобождения от труда, зачисления в более низкую категорию трудоспособности, выдачи усиленных пайков и т.д.

В мае 1950 г. комиссия МВД СССР в результате выезда в отдельные лагерные пункты «Южкузбасслага» провела обследование режима содержания заключенных. Комиссия отметила, что по сравнению с предыдущими годами условия содержания заключенных значительно улучшились, но был выявлен ряд недостатков. В некоторых лагпунктах (Чугунашский ОЛП, Абагурский ОЛП, Мысковский ОЛП) люди по-прежнему размещались скученно. Например, в Абагурском ОЛПе в секции № 8 барака № 2 на 78 человек имелось всего 54 места, в секции № 6 барака № 2 проживали 62 человека, а имелось 54 места, в лагпункте «Берег ТОЗ» Мысковского ОЛПа в бараке № 2 на 100 размещенных человек имелось 80 мест [13. Л. 3–4].

Кроме того, комиссия обнаружила, что в некоторых лагпунктах (Чугунашский ОЛП) люди спят без постельных принадлежностей на голых досках либо на полу. Остро ощущалась нехватка матрацев в Абагурском, Чеболсинском, Тутуясском ОЛПах. Так, в лагпункте «Берег ТОЗ» Мысковского ОЛПа до 30% заключенных не имеют постельных принадлежностей. Камеры хранения личных вещей осужденных в этом лагпункте отсутствуют. Вещи хранятся в подголовниках или под нарами. Бачки для воды в проверенных лагерных пунктах имеются, но краны в них отсутствуют. На момент

проверки во всех подразделениях сушилки для одежды не работали, и заключенные не могли просушить одежду и обувь.

Во всех проверенных лагподразделениях «Южкузбасслага» дежурство вольнонаемного состава по пищевому блоку не введено, в результате чего контроль за правильным расходом продуктов и качественным приготовлением пищи отсутствует. Работа пищевых блоков в большинстве лагпунктов передана самим заключенным. Качество приготовленной пищи проверялось врачами и фельдшерами также из числа заключенных, причем в ряде случаев нерегулярно («Берег ТОЗ», лагпункты 4 и 7 Тутуяского ОЛПа). В столовой лагпункта «Верхний ТОЗ» на 231 человек имелось только 60 мисок. В некоторых лагерных пунктах отмечалось наличие излишков или недостача продуктов.

Комиссия обратила особое внимание на условия содержания в «Южкузбасслаге» женщин. По статистике, в 1950 г. четвертую часть от общего числа заключенных составляли представительницы женского пола [13. Л. 2]. По заключению комиссии, неоднократные указания МВД СССР о создании более комфортных жилищно-бытовых условий для содержания женщин в ИТЛ не были реализованы. Женщины содержались скученно. Например, в Шусталепском ОЛПе обеспеченность жилой площадью составляла 0,94 м² на 1 человека. Комната гигиены отсутствовала. Место для приготовления пищи, получаемой в посылках, отведено возле уборной. В ОЛПе № 4 Мысковского ОЛПа 28 женщин проживали в землянке и на чердаке [Там же. Л. 4].

И.К. Гебгардт, находящаяся на спецпоселении в «Южкузбасслаге», вспоминает, что если женщина рожала ребенка, то ей давали месяц отдыха, по прошествии которого ей снова нужно было выходить на работу. Младенцев пристраивали к недавно родившим женщинам. Так, у одной женщины под присмотром могло быть 2–3 младенца [9].

В вопросах содержания и изоляции заключенных также имелся ряд серьезных недостатков. Ограждения зон размещения спецконтингента в ряде лагподразделений не освещались и требовали ремонта. Местами ограждения отсутствовали совсем. Например, зона № 5 Тутуяского ОЛПа, в которой содержались 213 заключенных, совершенно не имела ограды. Зона № 7 лагпункта этого же ОЛПа, где содержалось много особо опасных преступников, полностью не имела освещения [13. Л. 7]. Кроме того, в жилых зонах зафиксированы случаи нахождения производственных помещений (сапожные, столярные, кирпичные мастерские), целесообразность размещения которых не была вызвана никакой необходимостью. Допускалось также размещение заключенных в жилых зонах по так называемым «кабинкам», или рабочим местам заключенных (мастерские, кухни, пекарни и т.д.), что создавало благоприятные условия для нарушения дисциплины и затрудняло наблюдение со стороны надзорного состава. Например, в Азасском лагпункте Чугунашского ОЛПа заключенный нарядчик проживал в своем кабинете, художник – в комнате культурно-воспитательной части, заведующий медпунктом – в амбулатории,

банщик – в бане [Там же. Л. 10]. В 4-м лагпункте Тутуяского ОЛПа по «кабинкам» проживали следующие заключенные: нормировщик, статист, фельдшер, врач, нарядчик, банщики (3 человека). К тому же на кухне – 2 чел., в хлеборезке – 1 чел., в сапожно-портновских мастерских – 4 чел., в бухгалтерии – 4 чел. [Там же].

Принцип постатейного размещения заключенных в бараках в ряде лагпунктов «Южкузбасслага» не соблюдался. В Комендантском, Азасском и Троицком лагпунктах Чугунашского ОЛПа осужденные за контрреволюционные и другие особо опасные преступления располагались совместно с осужденными за бытовые преступления. Также с нарушением постатейного размещения производилось и комплектование производственных бригад. Например, в лагпункте «Берег ТОЗ» в бригаде № 2 одновременно состояли осужденные за побег и бандитизм – 7 чел., за измену Родине – 1 чел., по указу 04.06.1947 – 13 чел., бытовиков – 3 чел. [Там же].

Таким образом, в рассматриваемый период в «Южнокузбасском исправительно-трудовом лагере МВД СССР» материальные, бытовые и санитарные условия содержания и размещения спецконтингента оставались неудовлетворительными. Созданные жилищные условия не способствовали хорошему физическому здоровью заключенных, что неизбежно сказывалось и на результатах производственной деятельности. Трудовое использование заключенных в «Южкузбасслаге» не соответствовало ожидаемым плановым показателям. Например, в 1947 г. фактическое использование заключенных на производстве (группа А) составило 67,2% от общего списочного состава вместо запланированных 83,1%. При этом категория лиц, не работающих по болезни (группа В), определилась 15,0% вместо плановых 4,5% [6. Л. 137]. Аналогичную картину можно наблюдать и в показателях 1948 г.: фактическое трудоиспользование группы А составило 70,3%, плановое – 81,2%; группы В – 13 и 9,6% соответственно [8. Л. 16].

В результате, если взять средний показатель, то около 30% заключенных, отбывающих наказание в исправительно-трудовом лагере, не были задействованы на лесозаготовительном и лесоперерабатывающем производствах, являющихся основными видами деятельности «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР». Среди причин низкого трудового использования контингента администрация лагеря в ежегодных отчетах по основной деятельности называла все вышеперечисленные неудовлетворительные жилищно-бытовые условия. Кроме того, физически ослабленный человек, а в некоторых случаях еще и больной, не мог выполнить установленные производственные нормы в полном объеме. Существующая система поощрения заключенных в виде дополнительных пайков за перевыполнение нормы выработки, бесспорно, являлась стимулом к труду, но в связи с физической деградацией спецконтингента и тяжелыми условиями труда по лесозаготовке в условиях сибирской тайги являлась малоэффективной. Приведенные в статье факты неиспользования дополнительных хлебных пайков в «Южкузбасслаге» как раз и свиде-

тельствуют об этом. Кроме того, администрацией ИТЛ зафиксированы случаи неправильного начисления и распределения стимулирующего питания – дополнительных хлебных и продовольственных пайков. Начальники лагерных пунктов не всегда уделяли серьезное внимание этим вопросам. В итоге одни заключенные получали по 4 дополнительных хлебных и по 3 дополнительных продовольственных пайка в день, в то время как другие, выполняющие нормы на 120–130%, получали только гарантированный паек (Шушталепский ОЛП) [12. Л. 5]. Помимо этого, наблюдались факты умышленного занижения физического профиля заключенных и их зачисления в более низкую категорию трудоспособности, что влекло за собой необоснованное занижения норм выработки и снижение производственной эффективности [14. Л. 118–119]. Неправильное определение категории трудоспособности также связано с поступлением угроз со стороны «отрицательных элементов» в адрес работающих врачей из числа заключенных [Там же. Л. 121].

В заключение отметим, что администрация лагеря понимала всю тяжесть сложившейся жилищно-бытовой ситуации и неоднократно принимала меры по улучшению условий размещения и физического состояния

заключенных. В приказах по внутренней деятельности «Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР» систематически встречаются распоряжения начальника лагеря, регулирующие решение этих вопросов. К тому же исполнение приказа Министра внутренних дел СССР № 0195 от 26.03.1948 требовало принятия мер по наведению порядка в жилищно-бытовом устройстве и трудовом использовании заключенных [15. Л. 55]. Перечень мероприятий, подлежащих исполнению во всех подразделениях «Южкзбасслага», касался оборудования жилых, лечебных и коммунально-бытовых помещений в соответствии с санитарными требованиями, усиления надзора за работой пищеблоков, повышения качества оказания медицинской помощи, улучшения физического состояния заключенных и регулирования их трудового использования. Но, несмотря на это, периодические обследования подразделений лагеря выявляли факты ненадлежащего содержания спецконтингента и несоответствия состояния жилых и коммунально-бытовых помещений санитарным нормам.

Благодарность. Автор выражает благодарность директору Музея-заповедника «Трёхречье» Таштагольского муниципального района Е.И. Иптешевой и коллективу музея за предоставленные материалы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бикметов Р.С. Спецконтингент в экономике Кузбасса (1930–1940-е гг.). URL: <https://polit.ru/article/2009/03/19/spetskotingent/> (дата обращения: 01.10.2018).
2. Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 516 с.
3. Бикметов Р.С. Производственная деятельность Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР в 1947–1952 гг. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России : материалы IV Всерос. науч. чтений. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. С. 248–253.
4. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. 696 с.
5. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.) / отв. ред. Л.И. Гвоздкова. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1994. Т. 2. 248 с.
6. Годовой отчет по основной деятельности «Южкзбасслага» за 1947 год. Объяснительная записка к годовому отчету за 1947 год по «Южкзбасслагу» МВД СССР // Текущий архив Главного управления Федеральной службы исполнения наказания (ТА ГУФСИН) по Кемеровской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10.
7. Акт ревизии «Южкзбасслага МВД» от 21.04–20.05.1948 г. // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 12.
8. Годовой отчет по основной деятельности и капитальному строительству «Южкзбасслага» за 1948 год. Объяснительная записка к годовому отчету за 1948 год по «Южкзбасслагу» МВД СССР // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 12.
9. Материалы Музея-заповедника «Трёхречье» Таштагольского муниципального района.
10. Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). Кемерово : Изд-во ГУ КузГТУ, 2006. 430 с.
11. Годовой отчет по основной деятельности «Южкзбасслага» за 1949 год. Объяснительная записка к годовому отчету за 1949 год по «Южкзбасслагу» МВД СССР // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 13.
12. Приказ начальника управления Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР № 02с от 17.01.1948 г. // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 15.
13. Акт комиссии МВД СССР от 15.06.1950 г. // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 22.
14. Приказ начальника управления Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР № 045/с от 28.02.1949 г. // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 16. Оп. 1. Д. 20.
15. Приказ начальника управления Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР № 02с от 20.04.1948 г. // ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17.

Yuliya V. Ryabova, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ruv.kemcdo@mail.ru
THE CONDITIONS OF LIFE OF PRISONERS IN THE SOUTHERN KUZBASS CORRECTIVE LABOUR CAMP OF THE USSR MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS IN 1947–1950

Keywords: forced labor; GULAG; prisoners; conditions of life; Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs.

The article examines the conditions of life of prisoners in the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs in 1947–1950. The camp was located in the south of Kemerovo Oblast in the Gornaya Shoria district. The main production task of the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp was provision and transportation of wood. The reason for organizing the camp is a shortage of workers and a high demand for timber in Kemerovo Oblast. The purpose of the research is to study the living conditions, work and life of prisoners in this corrective labour camp. The sources for this publication are unpublished archival documents of the General Directorate for the support of the activities of the operational units of the Federal Penitentiary Service in the Kemerovo Region and memoirs of former prisoners the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs from the funds of the “Trehreche Museum-Reserve” of the Tashtagol municipal district. According to the studied documents, the living condi-

tions of the accommodation of prisoners in the corrective labour camp were not satisfactory. There were not enough houses (barracks) to accommodate them. People lived either in narrow rooms or in temporary summer premises or at the place of work (in the accounting, in the dining room, in the workshop). With the established norm of 2 m² per person in the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs, on average there were from 1.12 m² to 1.4 m² of living space. New houses (barracks) were built very slowly. Often they lacked furnaces for heating and glass. In some units of the camp, prisoners slept without bedding. The organization of food for prisoners in the corrective labour camp also had a number of shortcomings. There were no stationary kitchens. Often there was a lack of dishes, cooking robes, hubcaps, towels. Flour dishes prevailed in the prisoners ration. There was a lack of cereals, potatoes, vegetables and meat. In addition, there was a lack of clothing and shoes in the camp. Dryers for drying prisoners' things did not work. It is concluded that the created unsatisfactory living conditions in the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs contributed to the deterioration of the physical condition of prisoners and adversely affected the efficiency of production activities. About 30% of the prisoners were not involved in the logging and timber processing industry, which was the main activity of the forced labor camp. The camp management has repeatedly taken measures to improve living conditions, but periodic inspections of the camp units revealed the facts of unsatisfactory detention of prisoners.

REFERENCES

1. Bikmetov, R.S. (n.d.) *Spetskontingent v ekonomike Kuzbassa (1930–1940-e gg.)* [Special contingent in the economy of Kuzbass (1930–1940s)]. [Online] Available from: <https://polit.ru/article/2009/03/19/spetskontingent/> (Accessed: 1st October 2018).
2. Gvozdkova, L.I. (1997) *Istoriya repressiy i stalinskikh lagerey v Kuzbasse* [History of repressions and Stalin's camps in Kuzbass]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
3. Bikmetov, R.S. (2006) *Proizvodstvennaya deyatel'nost' Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD SSSR v 1947–1952 gg.* [Production activity of the Yuzhnokuzbass forced labor camp of the USSR Ministry of Internal Affairs in 1947–1952]. In: Zabolotskaya, K.A. (ed.) *Intellektual'nyy i industrial'nyy potentsial regionov Rossii* [Intellectual and Industrial Potential of Russian Regions]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 248–253.
4. Tsarevskaya-Dyakina, T.V. (2004) *Istoriya stalinskogo GULAGA: konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov* [History of the Stalinist GULAG: the late 1920s – first half of 1950s: collected documents]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
5. Gvozdkova, L.I. (ed.) (1994) *Prinuditel'nyy trud. Ispravitel'no-trudovye lagerya v Kuzbasse (30–50-e gg.)* [Forced labor. Correctional labor camps in Kuzbass (1930–50s)]. Vol. 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
6. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Godovoy otchet po osnovnoy deyatel'nosti "Yuzhkuzbasslaga" za 1947 god. Ob'yasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu za 1947 god po "Yuzhkuzbasslaga" MVD SSSR* [Annual report on the main activity of "Yuzhkuzbasslag" for 1947. Explanatory note to the annual report for 1947 on "Yuzhkuzbasslag" of the USSR Ministry of Internal Affairs]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 14. List 1. File 10.
7. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Akt revizii "Yuzhkuzbasslaga MVD" ot 21.04–20.05.1948 g.* [The act of revision of "Yuzhkuzbasslag of the Ministry of Internal Affairs" from April 21 – May 20 1948]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 14. List 1. File 12.
8. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Godovoy otchet po osnovnoy deyatel'nosti i kapital'nomu stroitel'stvu "Yuzhkuzbasslaga" za 1948 god. Ob'yasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu za 1948 god po "Yuzhkuzbasslaga" MVD SSSR* [Annual report on the main activity and capital construction of "Yuzhkuzbasslag" for 1948. Explanatory note to the annual report for 1948 on "Yuzhkuzbasslag" of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 14. List 1. File 12.
9. Materials of the Trekhrechy Museum-Reserve of the Tashtagol Municipal District.
10. Bikmetov, R.S. (2006) *Ispolzovanie spetskontingenta v ekonomike Kuzbassa (1929–1956 gg.)* [The use of a special contingent in the economy of Kuzbass (1929–1956)]. Kemerovo: KuzSTU.
11. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Godovoy otchet po osnovnoy deyatel'nosti "Yuzhkuzbasslaga" za 1949 god. Ob'yasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu za 1949 god po "Yuzhkuzbasslaga" MVD SSSR* [Annual report on the main activity of "Yuzhkuzbasslag" for 1949. Explanatory note to the annual report for 1949 on "Yuzhkuzbasslag" of the USSR Ministry of Internal Affairs]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 14. List 1. File 13.
12. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Prikaz nachal'nika upravleniya Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD SSSR № 02s ot 17.01.1948 g.* [Order of the head of the department of the Yuzhnokuzbass correctional labor camp of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 02s dated 01/17/1948]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 6. List 1. File 15.
13. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Akt komissii MVD SSSR ot 15.06.1950 g.* [Act of the Commission of the Ministry of Internal Affairs of the USSR dated June 15, 1950]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 14. List 1. File 22.
14. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Prikaz nachal'nika upravleniya Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD SSSR № 045/s ot 28.02.1949 g.* [Order No. 045 of the head of the department of the Yuzhnokuzbass correctional labor camp of the USSR Ministry of Internal Affairs dated February 28, 1949]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 16. List 1. File 20.
15. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (n.d.) *Prikaz nachal'nika upravleniya Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD SSSR № 02s ot 20.04.1948 g.* [Order No. 02s of the head of the department of the Yuzhnokuzbass correctional labor camp of the Ministry of Internal Affairs of the USSR dated April 20, 1948]. The Current Archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service (TA GUFSIN) for the Kemerovo Region. Fund 6. List 1. File 17.